

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.2(574)

А.З. Бейсенов¹, М.В. Бедельбаева²

¹*Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, Алматы, Республика Казахстан;*

²*Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан*

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БЕТПАКДАЛЫ*

В статье даны некоторые обобщения результатов историко-археологического исследования пустынного региона Казахстана – Бетпакдалы. Приводится краткий анализ письменных источников XIX в. В том числе привлечены малоизвестные архивные документы из фонда А.И. Шренка, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Коллекция артефактов А.И. Шренка находится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (г. Санкт-Петербург).

Авторы последовательно рассматривают историю археологического изучения памятников региона, а также приводят результаты собственных исследований. Значительные концентрации археологических памятников обнаружены главным образом в северной полосе Бетпакдалы. В западной части отмечается район р. Байконыр, где открыты большие скопления петроглифов и других памятников. В Северной Бетпакдале в настоящее время возобновлены археологические исследования памятников бассейна реки Атасу.

Ключевые слова: Бетпакдала, архив, караванный путь, памятники археологии, палеолит, неолит, эпоха палеометалла.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-10

Своеобразное низкорельефное плато Бетпакдала представляет собой пустынное пространство, протянувшееся от западного побережья оз. Балхаш до низовьев р. Сарысу, ограниченное на юге долиной среднего и нижнего течения р. Шу, а на севере – высокими и расчлененными территориями Казахского мелкосопочника.

Веками через Бетпакдалу проходили караванные пути, соединявшие север, Сарыарку, и юг, Сырдарью. Бетпакдала – большой по территории регион, который археологически еще полностью не пройден. В начале этого пути был А.Х. Маргулан, который, по-видимому, много раз пересекал всю протяженность Бетпакдалы. Это было связано с временем ранней поры деятельности возглавляемой им Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), начавшей свои работы в далеком 1946 г. Его археологическая «полуторка» с нехитрым оборудованием пересекала всю Бетпакдалу, начиная от р. Чу. Касательно своего маршрута, проложенного по древним караванным путям, и памятников, увиденных по пути, А.Х. Маргулан [1948, с. 53–60; 1950а, с. 61–72; 1950б], замечательный и редкий знаток многих местностей и регионов, писал в ряде статей. Основные археологические исследования А.Х. Маргулана в северной части Бетпакдалы (по современной терминологии) были следствием того впечатления, которые произвели на него памятники района р. Атасу. Увидев их в конце

* Работа выполнена в рамках гранта «Культура населения Бетпакдалы в эпоху палеометалла».

1940–х гг., он в 1955 г. заложил первый раскоп на поселении Атасу – на памятник его вывели рассказы местных аксакалов о «древнем заводе»*, на территории которого находят много кусков металла. Исследования были продолжены и привели к открытию многочисленных памятников эпохи бронзы, что было связано (помимо А.Х. Маргулана) с именами М.К. Кадырбаева, С.М. Ахинжанова, Ж. Курманкулова и ряда других ученых (об исследованиях на Атасу подробнее см.: [Бейсенов, 2015а, с. 40–47; 2015б, с. 111–122; Бейсенов и др., 2014]).

Среди известных по печатным работам авторов достоин особого упоминания один человек, оставивший краткое, но яркое этнографическое описание Бетпақдалы – поэт, писатель, выдающийся политический деятель Казахстана начала – 1-й трети XX в. Сакен (Садуакас) Сейфуллин (1894–1938 гг.). В книге «Тернистый путь» [Сейфуллин, 1977] он описал свой переход через Бетпақдалу, используя прекрасное знание быта народа, свою наблюдательность и блистательное писательское мастерство. Рассказ, переданный на казахском языке, к сожалению, по ряду причин, главным образом по политическим мотивам, не был замечен специалистами.

Учитывая этнографический и малоизвестный характер работы, считаем уместным привести некоторые особенные моменты этого произведения. Как рисует С. Сейфуллин свою поездку через Бетпақдалу? Осенью 1919 г. на десяти верблюдах небольшое кочевье – попутчики Сейфуллина – везет юрты и скarb четырех семей. Впереди едет на коне пожилая женщина, «жена начальника аула», рядом, параллельно с кочевьем, гонят скот молодые пастухи. Попутчики, которых писатель окрестил «мадибеками», «мадибековцами» (от Мадибека, его брата Батырбека и других их родственников), охарактеризованы как истые сыновья и знатоки Бетпақдалы. Являясь представителями родовой группы, они «зимуют на Чу, а летуют в районе Сарысу». Эти люди настолько привыкли жить в своей родной среде обитания, что «в Бетпақдале ночью не заблудятся... и найдут воду». Торопясь застигнуть «хвоста» впереди уехавшего кочевья, люди изучают места остановок, наткнувшись на остатки потухшего костра, вожатый, после непродолжительного обследования золы, определяет, что люди были давно, «огонь жгли несколько дней назад». На месте отдыха и ночлега готовят на быструю руку горячую мучную похлебку – «ун коже» [Сейфуллин, 1977, с. 351, 352]. Народ Бетпақдалы другой, несколько особый, более мобильный, адаптированный к среде обитания, юрты у них поменьше.

В характеристике «безлюдной», «безводной», «невзрачной», «голой», «плоской» и суровой Бетпақдалы писатель мастерски прибегает к приему своего рода противоречия: несмотря на все эти эпитеты, на протяжении повествования никак не создается образ пустой и безжизненной Бетпақдалы. Там жизнь бьет ключом. В одном ауле, встреченном на пути, беркут напоролся на матерую лису и повредил лапу. В другой юрте породистая, гордая тазы лежит, «положа голову на передние лапы» и «слушая» беседу людей под негромкие звуки домбры – попеременно глядя «то на хозяина, то на его жену, то на писателя». Хозяин тазы, молодой бодрый джигит, однажды поймал барантача-угонщика чужих лошадей, которого, связав, поручил жене, снабженной

* В 2015 г. мы стали свидетелями того, что площадь поселения эпохи бронзы Атасу местные жители и поныне продолжают называть «заводом». Спустя 60 лет после первых раскопок А.Х. Маргулана (1955 г.) жители зимовки Мыржык при беседе уточняли, «будем ли мы копать сам «завод» (прим. А.Б.).

большим ножом, а сам поскакал за подмогой. Жена, которой вменялось «немедленно резать» злодея при малейшем признаке попытки освободиться, бодро держалась и дождалась его, слушая, как похваливает ее муж по поводу данного события, ведет себя «просто и безмолвно», с чувством собственного достоинства – «крепкая, «умная», «22–23 лет». Джигит рассказывает о том, как он слушал печальный кобыз у самого Ихласа*, потерявшего сына, трагедия и горечь отца тонко передается в неторопливом рассказе степняка. В другой юрте человек, которого называют «волостным», показывает «удостоверение», прибывшее из «дуана» (от «диван», в данном случае «город, присутствие, место пребывания власти». – А.Б., М.Б.) и подтверждающее его должность. Сейфуллин читает бумагу. Попросив читать громче, хозяин при русских словах надменно взирает на собеседников-аульчан. Те молчат, кто просто, а кто с хитринкой. Бумага оказывается каким-то распоряжением некоего неизвестного судьи, выданным неизвестно кому и когда, но отец не говорит об этом собравшимся. «Волостной» собирает разные простецкие подарки, чаще куски мяса – дань от своего народа, который не отказывает ему в этом. Сына своего, простоватого, мешковатого парня, величает «батыром». Но вскоре выясняется, что вроде бы и сам народ не считает его волостным, как не считает батыром его сына, как не считает «редкими скакунами» его обычных, довольно слабых двух коней. Одним словом, тут ненавязчиво и туманно предлагается уловить этакий тонкий нюанс, степной шарм, точного названия которого не существует.

Ближе к р. Чу усиливается холод. С. Сейфуллин [1977, с. 375] упоминает интересное событие – ложась спать в юрте, утром обнаруживает у себя на лбу и волосах слой снега. Дано буквально в нескольких словах, мастер хочет и читателю оставить работу. И не подводит его этот прием: воображение запросто рисует казахов-бетпакадалинцев осени 1919 г., которые встали после сна, отряхнули с одежды и лица снег и дальше занимаются делом. Наряду с «горячей мучной похлебкой», эпизодом обследования золы потухшего костра и другими многими, предельно краткими этнографическими штрихами имеется также довольно интересное описание перехода через лед р. Чу. Вереница людей, спешившись, ведя коней на поводьях, медленно ступают по льду. Суюндык-батыр идет впереди с айбалтой в руке, которой часто постукивает по льду. Каждый на подоле чапана держит навоз, землю, что нужно сыпать позади себя в узкую ленту-полоску. Это для коней, чтобы не поскользнулись, да и бояться степные кони голого и блестящего молодого льда, который, к тому же, то и дело потрескивает, усиливая страхи людей и их верных спутников [Сейфуллин, 1977, с. 376]. Завершив дела за р. Чу, группа возвращается назад той же дорогой, переходит так же покрытую льдом реку. На этом, своем, берегу, посмотрев назад, Суюндык производит выстрел в небо из винтовки. «Чтобы враги боялись», – отвечает он на вопрос С. Сейфуллина.

Рассказ писателя С. Сейфуллина поневоле подтверждает мнение А.Х. Маргулана и ряда других исследователей о Бетпакадале. Словно мост, соединяя север и юг, Бетпакадала, тем не менее, не была пустой, абсолютно безжизненной землей. Там всегда обитал особый народ – «бетпакадалинцы». Картина, которую хотел показать писатель, несомненно, ценна для специалиста, интересующегося этим регионом.

* Ихлас (Ыкылас) Дукенулы (1843–1916) – казахский народный композитор, один из основателей школы традиционного кобыза в конце XIX в., уроженец Жанаркинского района Карагандинской области (прим. А.Б.).

С. Сейфуллин формально указывает на «неизведанность», «незнакомость» Бетпакдалы, прибегая к тому же писательскому приему. Но вот, прекрасно рисуя природу региона, быт и нравы «бетпакдалинцев», людей одновременно простых и возвышенных, сильных, крепких телом и духом, писатель наполняет Бетпакдалу такими красками, что невозможно не заметить – он знаток этой земли, он любит этот край! Из биографических сведений писателя известно, что он родился и вырос на самом северном краю Бетпакдалы, в черте исторического «Ортага и Кертага», отождествляемого А.Х. Маргуланом, Ж.Е. Смаиловым с районом гор Ортау и Кызылтау [Смаилов, 2015]. В стихотворении «Аксак кийк» («Хромая сайга») С. Сейфуллин приводит мнение о том, что «ширина Бетпакдалы – восемь кочевых переходов», и тут же добавляет, что они «не раз пересекали кочевьем» ее. Поэт вряд ли имеет в виду полные научные масштабы географической провинции, тем более в современных, очерченных специалистами представлениях. Скорее, «восемь переходов» занимало расстояние кочевого пути его семьи, родственников. Надо полагать, этот «переход» должен был начинаться с района горы Ортау – родных мест писателя. Но, в любом случае, это несколько сотен километров. Следует отметить, что данное расстояние в «восемь переходов» является единственным данным* этнографического характера, высказанным по поводу протяженности Бетпакдалы с севера на юг. Но вот что характерно и для С. Сейфуллина, и для А.Х. Маргулана: оба они Бетпакдалой называли земли, лежащие южнее бассейна реки Атасу.

* * *

В течение многовековой истории древние племена использовали все возможности хозяйственно-культурного освоения этой суровой пустыни, называемой в русских источниках «Голодной степью». Архивные материалы и публикации путешественников XIX в. содержат подробную информацию о караванных путях и их многочисленных ответвлениях, проходивших по степям Центрального Казахстана и связывавших этот регион через Бетпакдалу с оседло-земледельческими оазисами в бассейне реки Сырдарья. Сведения, содержащиеся в записях и дневниках русских исследователей, позволяют создать общую схему маршрутов передвижения в системе кочевого хозяйства казахов, реконструировать пути сообщения, в ряде случаев способствуют локализации археологических памятников.

Одно из первых упоминаний о Бетпакдале сохранилось в «Журнале похода подпоручика и атамана Д. Телятникова в Ташкентию с описанием пути, местоположения и прочего, описанного сержантом А. Безносиковым» (май 1796 г. – июнь 1797 г.). Их сообщение о передвижении от Иртышской линии из Семипалатинска через Верный до городских центров Средней Азии предлагает кратчайший путь через Голодную степь. Они упоминают об урочище Тамгалы, «...из коего истекает ключ пресной воды», расположенном на западной окраине пустыни Бетпакдала, которое впоследствии стало известным благодаря камню Тамгалытас с надписями и древними изображениями знаков [Путевые дневники..., 2007, с. 159].

* Кто-кто, но А.Х. Маргулан должен был знать о посвященном Бетпакдале отрывке книги С. Сейфуллина. Говоря о «политических мотивах», здесь следует учитывать немаловажный факт, связанный с трагической судьбой С. Сейфуллина, расстрелянного как «врага народа» в годы репрессии. Археолог А.Х. Маргулан, который и сам нередко попадал в поле зрения органов, не мог использовать работы репрессированного деятеля.

Поездку в Среднюю Азию в 1813–1814 гг. совершил Филипп Назаров – переводчик тюркских языков при командире Отдельного Сибирского корпуса. Этот маршрут пролегал из Омска через Петропавловск и далее через Бетпакадалу в Ташкент и Коканд.

В путевых записях М.С. Пospelова и Т.С. Бурнашева (соответственно, чиновника и горного офицера ведомства Колывано-Воскресенских горных заводов, которые в 1800 г. возглавили посольство в Ташкент, направленное по просьбе Ташкентского владельца Йунус-ходжи для оказания помощи в разработке местных природных богатств) представлено описание караванных путей. Путь их лежал из Ямышевской крепости к р. Нуре и далее через Бетпакадалу в Ташкентские владения. Вот как об этом писал А.И. Левшин [1996, с. 101–102], используя материалы посольства, частично опубликованные в Сибирском вестнике в 1818 г.: «Из Семиарского форпоста до Ташкенда г. Пospelов и г. Бурнашев в 1800 г. шли следующим путем: через горы Ку-Казлык, находящиеся от Иртыша в 170 верстах, через горы Каркаралы, до которых от Ку-казлыка верст 80, через реку Нуру, лежащую в 160 верстах от гор Каркаралы, через реку Сарасу и горы Кок-Томбак, отстоявшие от Нуры в 460, а от Иртыша в 770 верстах. За сими горами следует бесплодная степь Битпак, простирающаяся от реки Цуя (река Чу. – *А.Б., М.Б.*) на 180 верст. Через Цуй путешественники переправились на связках камыша и, пройдя еще верст 50 по безводной песчаной степи, достигли озер Каракуль, за коими уже начинается Ташкентское владение. Путь сей представляет великие неудобства».

Более полное издание путевых записей М.С. Пospelова и Т.С. Бурнашева было подготовлено ученым-востоковедом, членом Императорского Русского географического общества Я.В. Ханыковым. Основная информация содержит характеристику территории и населения Казахстана, включая и информацию о Голодной степи [Ханыков, 1851, с. 1–56].

Так было положено начало изучению степей Центрального Казахстана, первоначально подчиненное прагматичным военно-политическим целям и включающее описание маршрутов для продвижения военных отрядов, физико-географическое и геологическое исследование, выявление основных черт орографии, составление описей, послуживших основой для составления карт.

Первое научное обследование территории Центрального Казахстана и Бетпакадалы было проведено экспедицией А.И. Шренка. Опытный путешественник, приват-доцент геологии и минералогии Дерптского университета, «ботаник для путешествий» Ботанического сада Академии наук России, 200-летие со дня рождения которого исполнилось в 2016 г., провел основательные зоогеографические и метеорологические исследования. В 1840–1843 гг. А.И. Шренк путешествовал по Ишимским, Улугауским и Сарысуйским степям, пересек пустыню Бетпакадала, обследовал низовья рек Чу и Сарысу, продвигаясь традиционными путями кочевников через внутренние районы. Широкий предметно-тематический диапазон информации, охватывающей самые разнообразные аспекты материальной и духовной культуры кочевников, отличает архивные записи академика. В их содержании отмечается целый ряд достоверных деталей по известным историческим фактам («Историческое повествование новейшим происшествиям в Киргизской степи», «История разорения Ташкентского укрепления в Улытавских горах» и др.), описание быта, общественных отношений. Во время своих экспедиций известный ботаник неоднократно упоминал о местных историко-культурных

и архитектурных памятниках, древних поселениях, чудских могилах, составив краткое их описание. Особое внимание уделялось курганам, каменным изваяниям, мавзолеям и гробницам.

Большая часть дневниковых записей А.И. Шренка, сделанная во время путешествий по Казахстану, написана на немецком языке (старонемецкий диалект) и до сих пор не переведена. Это блокноты небольшого формата или тетрадные записи, выполненные чаще карандашом, которые читаются с трудом из-за особенностей «бисерного» почерка автора и плохой сохранности, поскольку прошло уже более 170 лет со времени их написания. Они хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Архив А.И. Шренка, включающий 54 единицы хранения, помимо его рукописей и дневников содержит записи и чертежи геодезиста-топографа, преподавателя Омского кадетского корпуса Нифантьева, топографа Соболева, переводчика Фролова и урядника Лобанова, которые участвовали в его экспедиции [Архив РАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1–54].

Ниже приведен перечень документов, с которыми непосредственно ознакомились авторы.

- Путешествие по Зоонгорской и Киргизской степям в 1840–1843 гг. (221 лист);
- 3-е путешествие в 1842 г. (307 листов);
- путешествие в среднюю Киргизскую степь в 1842 г. (173 листа);
- путешествие в Центральную (среднюю) Киргизскую степь в 1843 г. (94 листа);
- Улытауская горная группа в своем топографо-географическом положении (17 листов) – на немецком языке;
- заметки по топографии и этнографии (30 листов);
- заметки исторического содержания (23 листа);
- коллекция древностей с Алтая и из Зоонгорской, Киргизской степи (11 листов);
- дневник толмача Фролова 1840 г. (17 листов);
- «Описание юго-западной части Голодной степи 1841 г.» составлено при Генеральном штабе Сибирского корпуса по расспросам урядника Лобанова в 1841 г. (23 листа);
- «Топографическое описание южной части Киргизской степи 1843 г.» составил топограф Нифантьев (51 лист);
- путевой журнал топографа 2 класса Соболева и «Путевой журнал от р. Баскана до Каркаралов 1843 г.» (17 листов).

В дневниках А.И. Шренка, датируемых 1840–1843 гг., встречаются описания архитектурных памятников и древних поселений. Согласно дневнику с марта по сентябрь 1842 г. маршрут экспедиции пролегал через Петропавловск, Кокчетав, реку Ишим, Атбасар, реку Терсаккан, горы Арганаты, Улутау, реки Жезды, Каражар, Сарысу, Жетыкунур, Чу и обратно. Таким образом, путешественник пересек Бетпакдалу дважды.

Например, дневниковые записи от 14 мая 1843 г. содержат описание развалин мавзолея Урмамбета; запись от 16 июля дает характеристику гробницы Катуш-хана и других архитектурных памятников на реке Жезды-Кенгир; записи от 21 июля – архитектурные памятники, расположенные вдоль рек Кара-Кенгир и Каражар; далее идет описание мавзолея Айбитбулата; дневниковые записи от 21 августа – гробницы Талмас-ата и Болган-ана. А.И. Шренк привел легенды и отметил наличие в Киргизской степи множества памятников: могилы с «каменными бабами», «писаницы» на камнях и др., а также установил определенное своеобразие курганных могильников.

В документе под номером 47 «Описание юго-западной части Голодной степи» (составлено при Генеральном штабе Сибирского корпуса по расспросам урядника Лобанова в 1841 г.) представлена информация о песках, урочищах с перечислением зимовок, описаны караванные пути и существующие дороги, указаны типы водопользования, как естественные (реки, озера, ключи, снега), так и искусственные (колодцы). О Бетпакдале автор пишет следующее: «Голодная степь – название свое сохраняет в смыслах сих только посредством песков Кара-Кумъ и Арысь-Кумъ на юго-западе тянется потомъ на восток неширокой полосой верст в 80. Между озера Теле-Куль-тата, речкой Чуй, первыми Ташкентскими укреплениями, расположенными по Сырь-Дарье и горами Кара-тау, далее къ востоку она расширяется, как и на западе оною Аральского моря; переходит Чуй и даже достигает в некоторых местах до реки Сары-Су. Самое узкое место... на всем протяжении прямо устье реки Чуй Ташкентского города Акъ-Мечеть, выстроенного на правом берегу Сыр-Дарьи, против озера Теле-культа, къ которому собираются торговые пути съ Сибирской и Оренбургской линии для перехода через нее; от оною озера торговцы достигаютъ въ 20 часовъ Акъ-Мечети и в 5 дней через Каратау Азрета или Туркестана и следуют далее в Бухарию, Ташкент и Кокантъ» [Архив РАН. Ф. 317. Д. 47].

Там же содержится одно из первых описаний петроглифов Тамгалыгас: «Обе эти речки (Чу и Сарысу. – *А.Б., М.Б.*) не доходя устья около 80 верст впадаютъ одна къ другой мысами, которые известны под именем урочищъ: Бишь Куланъ и Тамгалы-Джаръ: урочища эти знаютъ все Киргизы; первое на реке Чуй, по могиламъ и обряду Куланъ-уткули, а второе по крутому берегу, примыкающему к Сары-Су с левой стороны, на котором с незапамятныхъ времен хранится камень съ изображеньемъ на немъ до 500 тамговъ (печатей) прежних обитателей степи» [Архив РАН. Ф. 317. Д. 47].

Важным результатом экспедиции, возглавляемой А.И. Шренком, стали барометрические и термометрические наблюдения, вычисление высот, описание топографо-географического местоположения многих географических объектов и уточнение их местных названий. Так, в «Дневнике толмача Фролова» приведены традиционные народные топонимы, например, горы Тюлькули (Лисьи), Теректы (Тополевая) и др.

Таким образом, не изученный ранее малонаселенный район Бетпакдалы впервые получил всестороннее описание, соответствующее уровню развития науки того времени. Коллекция горно-каменных пород, информация о фауне «Киргизских степей», сведения по ботанике и коллекция видов растений, собранных во время путешествия (например, открытие неизвестного науке вида цветов, получившего название «тюльпан Шренка»), свидетельствовали о широте научных интересов как руководителя экспедиции, так и его спутников.

Несомненный интерес представляет коллекция артефактов А.И. Шренка, которая хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (г. Санкт-Петербург). Она включает представительную серию каменных и бронзовых орудий труда, бытовой утвари и других предметов старины*. Археологические находки дополняют сохранившиеся рукописные дневники А.И. Шренка с описанием и альбом с рисунками артефактов, выполненный Н. Могилянским, который регистрировал находки в 1900 г. На обложке инвентарной книги написано: «По местонахождению предметы принадлежат Киргизской

* Авторы выражают благодарность к.и.н. С.В. Бельскому – научному сотруднику отдела археологии МАЭ им. Петра Великого РАН за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией №35.

степи, Алтайскому округу и Джунгарии». С.С. Черников их целиком относил к Восточному Казахстану. Однако, как считал А.Х. Маргулан [1979, с. 13], пребывание А.И. Шренка на Верхнем Иртыше нигде не зафиксировано, поскольку тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков разрешил ему проезд лишь до оз. Алакуль.

Судя по архиву и материалам этой коллекции, в поле зрения академика попали не только «чудские» курганы, но и стоянки эпохи камня, горные выработки, городища. Находки были им описаны и первично интерпретированы, что свидетельствует о неподдельном интересе А.И. Шренка к древней истории. К сожалению, отсутствует точное указание местонахождения памятников, из которых найдены эти вещи, что снижает их значимость для науки.

Коллекцию можно условно разделить на несколько категорий:

- изделия каменной индустрии мезо-неолитического облика – отщепы, пластины с ретушью, скребки из серого, желтого, черного, светлого яшмо-кварцита, халцедона и кремня;
- каменные орудия труда эпохи бронзы – песты, рудотерки;
- фрагменты керамики;
- изделия из кости – наконечники стрел, пряжка;
- орудия труда и оружие из бронзы – наконечники стрел, долота, ножи, секиры, кайло, удила, тесло;
- украшения и изделия из бронзы и металла желтого цвета – кольца, серьги, бляхи, амулеты (фалары), подвески;
- металлические орудия труда и оружие – копье, наконечники стрел, ножи, хозяйственная утварь (сошник, сито).

Часть предметов к настоящему времени утеряна. Например, «секира бронзовая за №14», имеющая прямые аналогии в инвентаре карасукской культуры, была разбита при переноске, что отметил В.И. Каменский, работавший с артефактами в 1909–1911 гг. Ряд артефактов (песты, яйцевидный предмет, плитка для отливки металла и др.) были обнаружены в Кокпектинском уезде; в местности Сарыбулак – крышка для отлива тигеля, «золотое массивное кольцо, найденное в недрах чудской могилы», бронзовый плоский нож с «глубины в 4 аршина», маленькая бронзовая секира (тагарская культура) или плоский бронзовый наконечник копья из Киргизской степи. Как справедливо полагал академик А.Х. Маргулан, такое значительное количество металлических изделий не могло быть собрано экспедицией А.И. Шренка только на поверхности земли. Очевидно, что исследователь производил и археологические раскопки в Казахстане, в том числе и в Бетпакдале, о чем в ряде случаев свидетельствует указание глубины залегания находки, представленное в архивной описи.

Хотя изложенные А.И. Шренком сведения исторического характера фрагментарны, а найденные им артефакты недостаточно документированы, все же собранные и сохраненные им материалы являются ценной иллюстрацией к реконструкции историко-археологической карты Бетпакдалы. Дальнейшее изучение архивных документов из наследия А.И. Шренка, а также археологические исследования в данном регионе могут быть результативными в сравнении имеющихся материалов с известными синхронными памятниками. Имея полную версию переведенных на русский язык документов из архива академика, необходимо систематизировать, обработать и издать этот ценный источник по археологии, исторической географии, ботанике, этнографии.

Во 2-й половине XIX в. Министерство земледелия Российской империи проявляла инициативу в проведении широких естественно-исторических исследований Казахстана с целью усиления колонизации края. Ежегодные экспедиции по «киргизскому землепользованию» собирают подробные статистико-экономические данные, необходимые для выделения переселенческих участков. Однако мелкомасштабными геологическими маршрутами была изучена лишь небольшая часть Голодной степи. Топографическая съемка в Бетпакдале, как и во всем Казахстане, проводилась схематически, вдоль караванных путей. Маршруты этих дорог с описаниями условий их прохождения представлены в 18-м томе монументального труда «Полное географическое описание нашего Отечества», изданном под общей редакцией В.П. Семенова при участии крупного ученого и знатока казахской истории и этнографии А. Букейханова [Полное..., 1903].

Полевые географические и топографические исследования части южных районов Казахстана, в том числе р. Чу и пустыни Бетпакдала, были проведены геодезистом Ю.А. Шмидтом в 80-х гг. XIX в. Он заинтересовался камнем с надписями Тамгалытас и представил его описание: «Камень этот принадлежит к песчаникам, величиною в 3 кубические сажени, с высеченными на нем клинообразными иероглифами и цветными лоскутками, которыми киргизы украсили окружающие камень кусты боялыша; обычай этот перенят от монгольских народов и выражает собою жертвоприношение за благополучный переход пустыни; рядом находится обширное киргизское кладбище» [Шмидт, 1894, с. 59–60].

Описания памятников Бетпакдалы имеются в ряде статей А.Н. Стасевича [1909], П.В. Степанова [1902], Д.Б. Севастьянова [1912, с. 19–20] и др.

Таким образом, к началу XX в. наука располагала разрозненными и довольно отрывочными упоминаниями об археологических памятниках центральной части Казахстана в целом и Бетпакдалы в частности. Эти данные собирались параллельно с основной работой исследовательских экспедиций. Но уже тогда на основании опубликованных и неопубликованных письменных источников, а также картографических данных и полевых материалов обоснованно можно было говорить о заселении Бетпакдалы с древности. Подтверждение и научная аргументация этого были получены в ходе деятельности целого ряда научных специализированных экспедиций уже в годы советского строительства.

20–40-е гг. XX в. – время активных геологических и агро-экономических исследований в регионе. К.И. Сатпаев, проводивший в эти годы полевые изыскания в Центральном Казахстане, обнаружил ряд археологических объектов, свидетельствующих о том, что в Бетпакдале есть множество доисторических памятников. Опубликованные им новые данные востребованы специалистами и не потеряли своей актуальности [Архив ИИАЭ АН, 1946, №С–100–Б]. Гидрологические изыскания источников водоснабжения, биолого-зоологические и орнитологические наблюдения пустыни Бетпакдала ставили целью освоение земель и введение их в сельскохозяйственный оборот. Разветвленные исследовательские маршруты экспедиций, которые проводились под руководством Д.И. Яковлева, Я.Л. Абрамовича, Ф.И. Зенковича, встречали на своем пути исторические памятники и упоминали о них в научных отчетах.

В 1931 г. экспедицию с целью сбора материала по палеонтологии, зоологии и ботанике организовал Центральный музей Казахстана во главе с его директором А.С. Махониным. Они частично обследовали и Бетпакдалу, продвигаясь на 150 км вглубь северной границы пустыни.

Большой объем данных по Бетпакдале был собран комплексной экспедицией Среднеазиатского государственного университета (САГУ), организованной при поддержке и Казахстанского филиала Академии наук (1933–1935 гг.). В состав экспедиции входили зоолог, ботаник, почвовед, геодезист, художник и рабочие. Материал был систематизирован руководителем экспедиции В.А. Селевиным в целом ряде научных и популярных статей. Маршрут 1935 г. проходил по древним караванным путям Бетпакдалы – Тасбулакжол и Ханжол. Основные археологические находки экспедиции, сделанные на западной окраине Бетпакдалы (долина реки Бокты-Карын, колодец Уванас, урочище Кендерлык), представляли собой характерный микролитический инвентарь, аналогичный орудиям позднего неолита и энеолита. В сопках Кыз-Ельчик (Кыземшек?) экспедиция зафиксировала «кольцевые курганы», которые невозможно было датировать без раскопок, а также рудные выработки и шлаки в урочище Кокирюм в горах Домбралы-Тау, которые свидетельствовали о плавке металла. Археологические артефакты и собранный подъемный материал были переданы для обработки археологу М.Е. Массону [Селевин, 1935, с. 3–4].

«Археологическое изучение пустыни Бетпак-Дала находится еще в стадии зарождения», – писал в середине прошлого века известный археолог Л.Р. Кызласов [1950]. Анализируя имеющиеся данные, он сделал вывод о постоянном со времени верхнего неолита обитании там охотничьих племен, хорошо приспособленных к суровым природным условиям пустыни. Находки эпохи бронзы Бетпакдалы, которые анализировал Л.Р. Кызласов, представлены небольшим количеством подъемного материала, собранного экспедицией САГУ, а также опубликованными А.В. Мухля предметами (фрагменты керамики, железные ножи, наконечники стрел), найденными на месте строительства метеорологической станции (в районе колодцев Кошагинской котловины). Наконечник стрелы с уступом у черешка Л.Р. Кызласов датировал VI–IX вв. н.э. В статье представлено подробное описание и интерпретация петроглифов Сарыбулакской писаницы, обнаруженной исследователем в 1948 г. [Кызласов, 1950, с. 139–143].

Планомерное и специализированное научное исследование памятников Бетпакдалы получило импульс благодаря академику А.Х. Маргулану, который в 1946 г. возглавил ЦКАЭ. В этот период отмечается значительный прогресс в полевых исследованиях археологических объектов региона. В засушливых и полупустынных районах Бетпакдалы системно фиксировались уже известные к тому времени памятники, активно открывались новые, что нашло отражение в Археологической карте Казахстана, изданной в 1960 г. [АКК, 1960]. Широкая разведка восточной Бетпакдалы выявила десятки местонахождений, мастерских и стоянок эпохи камня на левом берегу рек Сарысу и Жидели – Жаман Айбат-I–II, Айдарлы-I–II, Алатакыр-I–IV, Коскудык-I–VIII, Шыбынды-I–III, Аккудык-I–IV, что позволило получить материалы о процессе заселения этого района первобытными охотниками и собирателями [Маргулан, 1948, с. 53–60; 1950а, с. 61–72].

Обследованные в южной части Казахского мелкосопочника и на севере Бетпакдалы поселения, рудные разработки, могильники эпохи бронзы очертили южную границу распространения андроновской культуры. Исследования позволили установить ряд закономерностей в расположении поселений и могильников в этой природной зоне. На новом материале был определен уровень социального и хозяйственного развития

племен эпохи бронзы, охарактеризованы скотоводство, земледелие, горное дело и металлургия, домашние промыслы, строительство и искусство, что нашло отражение в целом ряде фундаментальных научных трудов [Маргулан, 1977; и др.].

В северной Бетпакале археологические работы велись в Атасуском микрорайоне – крупнейшем в Центральном Казахстане ареале распространения памятников развитой и финальной бронзы. Раскопками были охвачены такие крупные памятники, как поселения Атасу-I-II, Акмустафа, Мыржык, Акмая, некрополи Сангыру-I-III, Атасу-I, Акмустафа, Мыржык-I-IV, Койшоки-I-IV, горные выработки Сарыбулак, Дарат (Жанбасконг), Огузтау. А.Х. Маргулан и М.К. Кадырбаев выявили мощный центр по добыче и переработке медной руды, который включал Северо-Бетпакадалинский горно-металлургический центр (ГМЦ), занимавший северную часть пустыни Бетпакада и крайнюю юго-западную оконечность Казахского мелкосопочника. Исследованиями С.А. Берденова, В.А. Алексеева, Э.Ф. Кузнецовой установлено, что основу рудной базы Северо-Бетпакадалинского ГМЦ составляли месторождения Кенказган, Ефимовское и Мийкайнар. В 1989 г. отрядом ЦКАЭ были обследованы древние горные выработки на этих месторождениях. Установлено, что на поселениях Атасуского микрорайона в эпоху бронзы в огромных масштабах производилась плавка металла на местном сырье [Кадырбаев и др., 1992; Берденов, 1998, с. 180–190].

Исследования в области древнейшей истории региона проводились М.Н. Клапчуком, который впервые выделил здесь палеолитические памятники с находками галечной индустрии. В 1967 г. им были открыты эталонные памятники нижнего палеолита – местонахождения Жаман-Айбат-IV-V, расположенные возле одноименного хребта между песками Жетыконур на западе и пустынном плато Бетпакада на юге. К мустьерскому времени отнесена открытая им на реке Сарысу стоянка Кызыжар-III, где среди находок встречены обломки дисковидных нуклеусов, короткие пластинки с параллельными краями, треугольные сколы с массивными основаниями и отщепы. Местонахождение Передержка-I-II датировано средним и верхним палеолитом [Клапчук, 1976, с. 176–190]. Небольшую коллекцию архаичных каменных изделий местонахождения Обалысай-I, аналогично орудиям местонахождения Борыказган, Танирказган из Южного Казахстана, он условно относил к концу нижнего – началу среднего плейстоцена. Коллекция из Музбеля условно датировалась М.Н. Клапчуком верхним плейстоценом и соотносилась со средним палеолитом Средней Азии (Кара-Бура). Исследователь предложил включить стоянки, находящиеся к северу от меридионального течения реки Сарысу, в одну культурную провинцию, занимающую большую часть севера Казахстана, предположив, что население указанного региона поддерживало тесную связь с южными соседями, что подтверждается общностью найденных орудий труда (трапеции, металлические шарики, треугольные мотыги и т.д.) [Клапчук, 1970, с. 217–240].

Усилиями М.Н. Клапчука неолит Бетпакады предстал более зримо. В ходе разведочных работ по реке Сарысу и северной окраине пустыни он открыл более четырех десятков археологических памятников, основная масса которых датирована неолитическим временем. Геологическое и топографическое изучение показало строгую закономерность в размещении местонахождений, обусловленную геологическим строением, устройством поверхности и палеоклиматическими факторами. В песках Голодной пустыни неолитические стоянки с немногочисленными археологическими находками расположены в котловинах выдувания на барханах, занимая, как правило, небольшую пло-

щадь и практические не имея культурного слоя. Например, в районе хребта Жаман-Айбат отдельные находки встречаются в самых неожиданных местах всхолмленной равнины, служившей ареной охоты первобытного человека на сайгу и джейранов.

Культурно-хронологическая атрибуция многих стоянок была установлена предварительно на основании анализа внешних топографических признаков и геоморфологического положения, сборов на поверхности каменных изделий и керамики. Позднее В.С. Волошин, анализируя каменный инвентарь этой коллекции, обратил внимание, что маловыразительные образцы изделий средней степени эоловой коррадированности (возможно, верхнеплейстоценовые) смешивались с более древним материалом, содержащим выразительные раннепалеолитические формы чопперов.

Осенью 1974 г. поисковый отряд Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ, начальник экспедиции К.А. Акишев, начальник отряда А.К. Акишев) проводил разведку в западной Бетпакдале в районе р. Калмаккырган-Белеуты. Вдоль русла реки на отрезке в 20 км на первой надпойменной террасе были зафиксированы стоянка Белеуты-I и четыре местонахождения периода неолита. На второй надпойменной террасе были найдены несколько орудий палеолитического облика. А.К. Акишев [1976], анализируя результаты исследования в своей статье, отмечал, что для Бетпакдалы, как и для других аридных регионов Казахстана, характерен открытый или наземный тип стоянок, где на такырах и были сделаны основные находки. Это каменный инвентарь из мелкозернистого кварцита, темно-коричневого и коричневого кремня, пестрых яшмовидных кварцитов, кремнистых сланцев, серого и желтоватого халцедона. Найдено незначительное количество мелких фрагментов керамики без орнамента и украшения в форме диска. Материал Белеуты-I А.К. Акишев относил к неолиту и считал ее стоянкой-мастерской охотников, фиксируя сходство с инвентарем неолитических родниковых стоянок Северного Приаралья, бассейна реки Каратургай. Датировка памятника ранним этапом кельтеминарской культуры (конец IV – начало II тыс. до н.э.) сделана с оговоркой на архаичный облик форм орудий труда, выполненных в более древней традиции. Важен и вывод исследователя о том, что, несмотря на аридизацию климата и постепенное отмирание гидросети в пустыне Бетпакдала, это не означало перерыва в хозяйственном освоении пространства [Акишев, 1976, с. 54–60].

Активные работы на памятниках эпохи камня Центрального Казахстана, начатые М.Н. Клапчуком, продолжил его ученик В.С. Волошин, который вместе с ним участвовал в полевых исследованиях, будучи еще студентом. Целенаправленное и многолетнее изучение этих памятников позволило ему выделить территориальную группу раннепалеолитических стоянок юго-запада Сарыарки (Музбель-I–III, Обалысай, Джаркум, Когалайжар и др.). Галечный инвентарь стоянок Джаркум и Когалайжар он склонен считать древнейшими в Сарыарке. Анализируя весь культурный пласт памятников эпохи камня Казахстана, В.С. Волошин реконструирует в общих чертах заселение Сарыарки архантропами,двигающимися с юга на север – из Центральной Азии через хребет Каратау по широким аллювиальным долинам Шу-Сарысуиской депрессии [Волошин, 2003, с. 28–32].

В ходе разведок в северной части пустыни Бетпакдала в начале XXI в. был обследован памятник Азат-IV. Он приурочен к днищу аллювиальной долины эоплейстоцена. Археологический материал – бифасные и унифасные чопперы, архаичные нуклеусы

и др. (19 предметов), собранный на поверхности мелкого кварцитового галечника, исследователь относит к «продвинутой галечной индустрии раннего палеолита». Новый памятник Музбель-III, расположенный в 2,5 км к северу от Музбель-I, II, фиксирует тип изделий с наличием технических признаков леваллуа – наиболее развитой галечной индустрии раннего палеолита данной территории. Сбор инвентаря в Музбеле-I, II, насчитывающий сотни образцов галечных орудий, позволил выделить среднепалеолитическую и две раннепалеолитические серии, охватывающие очень большой временной отрезок: раннюю – без признаков техники леваллуа и позднюю с наличием таких признаков [Волошин, 2011, с. 157–163].

В 1983–1991 гг. отрядом археологической экспедиции Карагандинского государственного университета (КарГУ) предпринималось комплексное полевое исследование археологических памятников долины р. Байконур в западной части Бетпакадалы. Было обследовано свыше 160 археологических объектов различных исторических периодов, что свидетельствует о заселенности долины с древности [Новожинов, 2002, с. 8–10]. Впервые все археологические памятники долины реки, включая изобразительные, были нанесены на реальную топографическую основу (использовались данные аэрофотосъемки), подробно классифицированы, часть археологических объектов раскопана (неолитические стоянки, погребальные ограды эпохи бронзы).

Наиболее многочисленные памятники – стоянки эпохи камня (125 стоянок), целенаправленное изучение которых проводилось под руководством А.Ю. Чиндина. Современное состояние этих памятников – очевидный результат интенсивной ветровой эрозии почвы, разрушительное действие которой наблюдалось сотрудниками экспедиций в разные годы полевых работ. Рекогносцировочные раскопки стоянки Балкимбай-V, расположенной в 5 км южнее пос. Байконур на левом берегу реки, позволили выявить культурный слой мощностью 0,15 м в виде серо-желтого суглинка, содержащего каменные изделия и фрагменты керамики. В раскопе найдено 387 отщепов и пластин без вторичной обработки, 19 пластин и отщепов с ретушью, три фрагмента наконечников стрел, 11 скребков, три нуклеуса, симметричная высокая трапеция, шесть фрагментов грубой неорнаментированной керамики. Предварительно этот материал датируется периодом неолита-энеолита [Чиндин, 1989, с. 234–237].

Памятники эпохи бронзы включают несколько поселений, расположенных на обоих берегах р. Байконур, и фиксируются по жилищным впадинам, поверхностным сборам фрагментов керамики от сосудов, как лепной работы, так и выполненных на гончарном круге. Например, поселение Байконур, которое по подъемному керамическому материалу может быть отнесено к развитой бронзе. Другую группу памятников этого периода представляют могильники (более 30), которые фиксируются на современной поверхности выступающими на высоту до 0,5 м плитами оград, земляным и каменным насыпям курганов. Типичный могильник этой группы Лакпай-IV расположен на левом берегу реки в 300 м к северу от одноименной зимовки. Состоит из двух курганов с каменно-земляными насыпями округлой формы диаметром до 7 м и высотой 0,1–0,2 м и четырех оград подпрямоугольной формы из вкопанных на ребро каменных плит. Раскопки ограды №2 могильника позволили выявить погребальную конструкцию подпрямоугольной формы (близкой к округлой), образованную наклоненными внутрь ограды крупными плитами, вкопанными в желтый материковый суглинок. Очертания могильной ямы округлой формы проявились на

глубине 0,25 м в южной части ограды. На дне могилы (глубиной 0,45 м) зафиксированы следы органических остатков и обнаружены два неорнаментированных сосуда и обломок зуба человека. Заполнение могилы и внутренней части ограды – светло-коричневый однородный суглинок. Поскольку следов кремации погребенного не зафиксировано, предполагается ограбление могилы. Сходные по конструкции неглубокие погребальные ограды саргаринско-бегазинского типа очень часто не содержат останков погребенных [Новоженков, 2002, с. 10].

В ходе разведочных работ были зафиксированы каменные курганы диаметром от 5 до 20 м, высотой от 0,2 до 1,5 м. В некоторых случаях обнаружены отходящие от курганов каменные гряды длиной до 100 м, оканчивающиеся небольшими каменными насыпями. Предварительная датировка этих памятников – эпоха раннего железа [Архив САИ, 1989].

Комплексные работы по исследованию наскальных изображений позволили выявить несколько крупных скоплений петроглифов и ввести в научный оборот огромный пласт изобразительного материала [Новоженков, 2002]. О петроглифах в долине р. Байконур впервые писала геолог Н.С. Воронеж, которая в 1914 г. проводила изучение полезных ископаемых Бетпакдалы и почвоведческие исследования в центральных районах Казахстана. В «Русском антропологическом журнале» была опубликована ее статья, где описаны петроглифы Бетпакдалы [Воронь, 1917, с. 57–60]. Эти лаконичные данные о наскальных изображениях региона заинтересовали профессора В.А. Городцова и легли в основу его исследования «Скальные рисунки Тургайской области», опубликованного в 1926 г. По мнению ученого, Центральный Казахстан и, в частности, Бетпакдала выступают как зона интенсивных тысячелетних культурных контактов [Городцов, 1926, с. 37–69].

В настоящее время установлено, что петроглифы Байконура являются памятником с самой высокой концентрацией наскальных изображений в Центральном Казахстане. Летом 2015 г. экспедиционным отрядом КарГУ им. Е.А. Букетова был проведен мониторинг изобразительных памятников долины реки Байконур, обнаружены и задокументированы новые местонахождения петроглифов, которые датируются главным образом эпохой бронзы. Встречаются одиночные изображения, относящиеся к начальным этапам раннего железного века [Бедельбаева и др., 2015].

Еще один изученный памятник изобразительного искусства Бетпакдалы – святилище Теректы Аулие. С 1996 г. полевые работы на петроглифах археологического комплекса Теректы Аулие проводила группа исследователей Института археологии МОН РК под руководством З.С. Самашева и Ж.К. Курманкулова. Проведены раскопки четырех погребальных памятников, находящихся в 200–250 м к юго-востоку от первой группы петроглифов памятника. В целом, на этом комплексе насчитывается около 20 курганов с круглыми каменными насыпями, локализованных плотно друг к другу. Диаметр варьирует от 7–8 до 10–12 м, высота не превышает 0,2–0,5 м. При изучении было выявлено, что надмогильные сооружения представляли собой кольцевые ограды, забутованные мелкими камнями. Глубина могильных ям достигает 1–1,5 м, преимущественная ориентация по линии ЮЮВ–ССЗ. Погребения были ограблены в древности. Инвентарь представлен бронзовыми наконечниками стрел, датируемыми XVI–XIII вв. до н.э., и керамическими сосудами алакульского типа [Самашев и др., 2013, с. 23–25].

Неослабевающий научный интерес к петроглифам, расположенным в Бетпакдале, подтверждает экспедиция, организованная в августе 2013 г. Национальным архивом Республики Казахстан, в составе которой работал д.и.н. А.Н. Марьяшев. Задачи экспедиции, помимо других целей, включали фиксацию петроглифов, расположенных в районе гор Тайаткан-Шунак (Северная Бетпакдала), которые в свое время были обследованы А.Х. Маргуланом [2003]. Общая характеристика наскальных изображений этого памятника свидетельствует о многовековой традиции создания петроглифов в окружающем ландшафте, начиная с периода ранней бронзы и заканчивая этнографическим временем [Марьяшев и др., 2016, с. 183–191].

Несомненный интерес представляют шесть тамг на одной плоскости, зафиксированные в горах Тайаткан-Шунак [Бедельбаева и др., 2015, с. 227]. Подобные собрания знаков различных родов, выполненные одновременно, представляют особую ценность и позволяют синхронизировать с ними единичные изображения тамг, встреченные на других памятниках. Так, в процессе создания систематизированного каталога казахских тамг А.Е. Рогожинский в 2009 г. обследовал надпись на камне Тамгалытас в северо-западной части Бетпакдалы, впервые скопированную толмачом Атбасарского уездного начальника Х. Бекхожиным и военным врачом г. Акмолинска А.И. Кузнецовым в 20-х гг. XX в. А.Е. Рогожинский зафиксировал сильное разрушение песчаника к настоящему времени. Исследователь проанализировал закономерности распространения тамг в целом по Казахстану и сделал вывод о расположении данного памятника на узловом участке традиционных весенне-осенних маршрутов перекочевков и путей сообщения, пролегавших вдоль границы пустынь Мойынкум и Бетпакдала из западной части Сарыарки к горам Каратау и долинам рек Сырдарья и Таласа [Рогожинский, 2011, с. 172–173].

Этими дорогами пользовались вплоть до промышленного освоения Центрального Казахстана. О торговых контактах и караванных путях между долинами рек Сырдарья, Талас, Или и Центральным Казахстаном в эпоху Средневековья писали в разные годы многие казахстанские археологи [Смаилов, 2015; Агеева и др., 1958, с. 3–215; Ахинжанов, 1995; Байпаков, 1998; 2007; Новоженев, 2012; Маргулан, 1997, с. 16–30]. Посредством этих караванных дорог Центральный Казахстан был включен в систему Великого шелкового пути. Культурно-экономические связи между степью и оседло-земледельческими оазисами юга возникли еще в древности. Об этом свидетельствует большой объем древней добычи руды и производство изделий из металла не только для внутреннего пользования, но и для вывоза, что подтверждается существованием здесь в эпоху бронзы поселений ремесленников и металлургов.

Коммуникации населения в различные исторические периоды развились на древнейших тропах кочевников, которые умели ориентироваться в пространстве, отлично знали местность и экологические особенности сурового климата пустыни, используя самые удобные пути через пустыню Бетпакдала. Ранняя эволюция Великого шелкового пути формировалась под влиянием сезонных миграций кочевников, органично существующих в природе. Наиболее известной по средневековым письменным источникам была Сарысуйская дорога, описание которой есть в сочинении Гардизи «Зайн ал-Ахбар». Бассейн нижнего течения реки Сарысу, который предоставлял лучшие зимние стоянки кочевникам западной части Сарыарки, был наиболее удобным для пересечения пустыни Бетпакдала. Вдоль этой дороги располагались многочисленные

поселения и средневековые городища, упоминаемые в источниках и локализованные Ж.Е. Смаиловым (Белен-Ана, Болган-ана, Шот-Кара, Хан-Ордасы, Бес-там, Барак, Милыкудук, Айнаколь, Соркудук, Аяк-камыр, Баскамыр). По этой дороге двигались на Улытау войска эмира Тимура и бухарского хана Абдаллаха. Как полагает Ж.Е. Смаилов, «...эти степные дороги служили, видимо, в первую очередь как пути сообщения, по которым перемещались войска, гонцы, посольства и т.д. И только потом как торговые пути. На этих дорогах в XIII–XIV вв., по сведениям Рубрука, имелась отлаженная ямская служба» [Смаилов, 2015, с. 42–43].

Дополнительные сведения о караванных путях были получены в результате современных историко-этнографических исследований Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия кочевников (КНИИПКН). Это Уванасский и Жетыкконурский пути через Бетпақдалу, следовавшие вдоль древних кочевых путей, о чем писал еще А.Х. Маргулан, неоднократно пересекавший по ним пустыню. Был локализован известный по ряду средневековых письменных источников колодец Уванас, который впервые упомянут А.И. Левшиным при описании караванного пути из Ямышевской крепости в Ташкент через Кентские горы и Каркаралы, реки Нуру и Сарысу, пустыню Бетпақдала, р. Чу и горы Каратау, давший название одному из древних меридиональных караванных путей через Бетпақдалу. Он расположен в Созакском районе Южно-Казахстанской области, в 80 км к северу от села Жуантобе, в восточной части некрополя Уванас. Были изучены детали топографии и гидрографии одной из самых сложных и дальних дорог – Каркаралинской, соединявшей Ташкент и Туркестан с Восточной Сарыаркой, через северные склоны Каратау и Бетпақдалу. Детально локализована и трасса известной с XVIII в. караванной дороги Хан Жолы, которая проходила от северных предгорий Тянь-Шаня к летним ханским кочевьям Абылая в предгорьях Кокшетау, пересекая в меридиональном направлении Бетпақдалу и всю Сарыарку [Историко-культурный..., 2017].

Результатом многолетних исследований Л. Ермоленко и Ж. Курманкулова, отражающим пласт культуры древних и средневековых кочевников степей Евразии, стала монография о каменных изваяниях Сарыарки. В Северной Бетпақдале (Атасу) обнаружены и документированы изваяния, которые создавались местным кочевым населением в эпоху бронзы, в раннем железном веке и в Средневековье. Проведены раскопки кыпчакских «святых мест» со средневековыми изваяниями (Атасу, Мыржык, Жинишке). Найденные в Северной Бетпақдале изваяния обычно воспроизводят человеческую фигуру без ног или только голову человека. Анализ иконографических особенностей (положение рук, набор предметов, передача деталей лица и т.п.) позволил авторам выявить ценную информацию о социальной структуре, быте и мировоззрении обществ, оставивших эти памятники. Зафиксированы и введены в научный оборот десятки изваяний, расположенных на памятниках Северной Бетпақдалы и сопредельных регионов [Курманкулов и др., 2014].

В 2010 г. отрядом КНИИПКН была проведена археологическая разведка памятников северо-западной части Бетпақдалы в районе рек Карасуыр и Буланты. Выполнены археологические исследования в местности Калмаккырган, обнаружено около 80 погребальных сооружений, среди которых есть большие курганы, отнесенные к памятникам сакской эпохи, курганные группы эпохи средневековья, курган «с усами», а также местонахождение петроглифов в среднем течении р. Карасирек, где зафиксиро-

ровано несколько плит с изображениями животных. В 2011 г. в районе сопки Карасуыр раскопано пять курганов, составляющих часть некрополя из 20 погребальных сооружений. Погребальный комплекс датируется концом XIII – началом XIV в., исходя из данных радиоуглеродного анализа, выполненного в университете Аризоны [Усманова и др., 2015, с. 515–528].

В 2015 г. были начаты новые исследования в Северной Бетпакдале (руководитель работ А.З. Бейсенов). Согласно намеченным планам, в задачу этих исследований входят полное обследование района, доисследование, а также новые раскопки значимых объектов, рекультивация ранее изученных объектов и другие меры по обеспечению их сохранности [Бейсенов, 2015а, с. 40–47; 2015б, с. 111–122; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Бейсенов, Дуйсенбай, Ахияров, 2015, с. 28–31]. В рамках этих изысканий в Северной Бетпакдале в 2016 г. были возобновлены раскопки поселения Мыржык, входящего в группу опорных памятников Атасуского археологического микрорайона. Был заложен новый раскоп площадью 117 кв. м, который показал наличие двух строительных горизонтов. Стратиграфические наблюдения, проведенные в 50-х гг. XX в. в ходе исследования раскопов №1–4, позволили сделать заключение о двух строительных горизонтах: раннем, в котором зафиксированы прямоугольные помещения, и позднем, где преобладают круглые в плане помещения. Новые исследования подтвердили эти данные. Основной культурный слой представлен нижним горизонтом – это слой саргаринской керамики. В отношении верхнего горизонта остается пока много неясного: он может оказаться связанным вторым этапом заселения самих «саргаринцев», может быть связанным с более поздним населением, хотя убедительных артефактов в пользу второго (донгальское, раннесакское население?) пока нет. На площади раскопа найдено свыше 900 фрагментов керамики преимущественно валикового типа, многочисленные каменные артефакты, среди которых выделены 59 лоцил, около 80 ударных орудий, 15 пестов, большинство которых имеют четкие следы сработанности, 14 проколов, а также терочные плиты, скребла и др. Среди костяных орудий имеются шпатели, лоцила, проколки, орнаментир. Найдены куски руды и шлака, небольшие медные слитки [Бейсенов, Ермолева, 2016, с. 75–83]. Ранее считалось, что население Мыржыка занималось преимущественно скотоводством, на что указывают многочисленные орудия труда, специализированные на обработку продукции животноводческого хозяйства. Новые материалы позволяют скорректировать это положение: найденные артефакты свидетельствуют о наличии металлургической отрасли в сфере производства населения. Продолжение раскопок на поселении Мыржык, что намечено на ближайшие годы (уже начаты раскопочные работы 2017 г.), предоставят, надо полагать, новые данные и прольют свет на неизвестные стороны памятника.

Параллельно выполняется работа по обработке и публикации ранее полученных материалов, в частности, керамологом к.и.н. В.Г. Ломаном был проведен технико-технологический анализ одной выборки из старой коллекции керамики поселений Атасу и Мыржык [Бейсенов, Ломан, 2017, с. 221–225]. Можно отметить раскопки погребального памятника сакского времени в черте Северной Бетпакдалы – кургана №3 могильника Мыржык-VI. Это было воинское погребение тасмолинской культуры. Умерший захоронен с поясом с бронзовыми обоями, на который были подвешены бронзовый кинжал, железный нож и каменный кайрак [Бейсенов, Дуйсенбай,

2017]. Также произведены раскопки двух комплексов с каменными грядами («уса-ми») – кургана Кабантау и кургана Атасу. Оба памятника датированы гуннским временем (материал готовится к печати).

Бетпакдала – слишком большой регион. Он археологически еще не пройден. Некоторый обзор археологических данных и материалов других дисциплин, имеющих определенный интерес для археологии, показывает, что памятники этого обширного маловодного и пустынного пространства пока предстают отдельными «кустами», хотя и довольно большими по площади. Анализ полученных данных и обобщенная характеристика позволяют представить историко-культурный контекст, в котором складывалось заселение Бетпакдалы древними племенами на разных этапах истории. Выявленные памятники представлены широким хронологическим диапазоном: от палеолита, эпохи бронзы и раннего железного века до периода позднего Средневековья.

На западе уже довольно отчетливо «вырисовывается» район р. Байконур. На значительной по площади Северной Бетпакдале известны крупные и яркие памятники эпохи бронзы. Особую зону Северной Бетпакдалы образуют увалистые степи с каменистыми поднятиями Тайаткан-Шунака в центре, где известны Беласар, Ельшибек. Западнее от этих мест лежит собственно «Атасу», иначе, Атасуский археологический микрорайон – сердце Северной Бетпакдалы. В настоящее время в Северной Бетпакдале, и то главным образом в районе «опорных памятников Атасу», вновь осмотрено и взято на учет около 100 археологических местонахождений. Помимо многочисленных памятников эпохи бронзы, здесь зафиксированы курганы раннего железного века, комплексы с каменными грядами, памятники Средневековья, а также особую категорию составляют казахские мазары и остатки зимовок. Неисследованными остаются обширные безводные и значительно более сглаженные районы глубинной Бетпакдалы, составляющие южную полосу ее географического контура. Таким образом, имеющиеся данные позволяют заключить, что археологический материал более четко обрисовывает районы в северной части Бетпакдалы, переходящие в черту Казахского мелкосопочника, что, видимо, связано с природно-географическими особенностями этой территории. Ряд отдельных положений в характеристике Бетпакдалы требуют специального изложения, что выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана // Труды ИИАиЭ АН КазССР. Т. 5: Археология. 1958. С. 3–215.
- Акишев А.К. Находки неолита в Западной Бетпак-Дале // Вестник АН КазССР. Сер. общ. наук. 1976. №2. С. 54–60.
- Архив А.И. Шренка // Архив РАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1–54. 1840–1843.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1960. 450 с.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Гылым, 1995. 296 с.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы : Гылым, 1998. 215 с.
- Байпаков К.М. Великий Шелковый путь (на территории Казахстана). Алматы : Адамар, 2007. 496 с.
- Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда : САИ, 2015. 252 с.
- Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Монголия, Казахстан, Китай). Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2015а. С. 40–47.

- Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник Томского государственного университета. 2015б. №3 (35). С. 111–122.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2014. 192 с.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б. Воинское погребение тасмолинской культуры на реке Атасу // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2017. С. 18–25.
- Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Исследования в Северной Бетпакдале // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 28–31.
- Бейсенов А.З., Ермолаева А.С. Атасуский микрорайон: новые исследования на поселении Мыржык // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2016. С. 75–83.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Новые исследования керамики поселений Атасу и Мыржык // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №2. С. 221–225.
- Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. М. ; Алматы : Гылым, 1998. С. 180–190.
- Волошин В.С. Проблема первоначального освоения человеком Сары-Арки // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана : Kultegin, 2003. С. 28–32.
- Волошин В.С. Новые памятники палеолита с галечным инвентарем в бассейне реки Сарысу // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. I. Алматы : Kultegin, 2011. С. 157–163.
- Воронец Н. С. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сырдарьинской областей, на реке Лакбай // Русский антропологический журнал. 1916/1917. Кн. 39–40, №3–4. С. 57–60.
- Городцов В.А. Скальные рисунки Тургайской области // Труды ГИМ. Вып. 1. М. : [б.и.], 1926. С. 37–69.
- Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы : Print-S, 2011. 300 с., илл.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
- Клапчук М.Н. Галечные орудия местонахождения Музбель-I-II в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1970. С. 217–240.
- Клапчук М.Н. Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат в Центральном Казахстане // Советская археология. 1976. №3. С. 176–190.
- Курманкулов Ж., Ермоленко Л. Древности Сарыарки: каменные изваяния. Караганда : CredosLtdC, 2014. 168 с.
- Кызласов Л.Р. Сарыбулакская писаница в Бетпакдала // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 139–143.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы : Санат, 1996. 653 с.
- Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутау // Вестник АН Казахской ССР. 1948. №2 (35). С. 53–60.
- Маргулан А.Х. Историко-топографический фон Восточной Бетпак-Далы // Вестник АН Казахской ССР. 1950а. №6 (63). С. 61–72.
- Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата : Изд. АН КазССР, 1950б. 122 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 336 с., илл.
- Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Мир казаха. Алматы : Институт развития Казахстана, 1997. С. 16–30.
- Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Т. 3–4. Алматы : Дайк-Пресс, 2003. 246 с.
- Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы в горах Шунак // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2016. С. 183–191.

Новожинов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК, 2002. 125 с.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М. : Таус, 2012. 500 с.

Отчет об археологических исследованиях отряда Карагандинского университета в 1989 г. // Архив САИ. Караганда : КарГУ, 1989.

Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В.П. Семенова. Т. XVIII. СПб. : издание А.Ф. Девриена, 1903. 487 с.

Путевые дневники и служебные заметки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX вв. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VI. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. С. 153–178.

Рогожинский А.Е. Петроглифы и эпиграфика // Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы : Print-S, 2011. С. 170–180.

Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы Аулие. Астана : филиал Ин-та археологии МОН РК, 2013. 240 с.

Сагпаев К.И. Некоторые археологические данные в пределах Джезказганского района // Архив ИИАЭ АН. №С–100–Б. 1946.

Севастьянов Д.Б. Некоторые данные о древностях Атбасарского уезда по наблюдениям 1910 г. От Атбасара до Улытау // Отчет ЗСОПГО за 1911 г. 1912. С. 19–20.

Селевин В.А. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Дала // Труды САГУ. Сер. XIIа: География. Вып. 12. Ташкент : Изд-во САГУ, 1935. С. 1–50.

Сейфуллин С. Тар жол, тайгак кешу (Тернистый путь). Алматы : Жазушы, 1977. 387 с. (на каз. яз.).

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сарыарки (Средневековые городища и поселения). Караганда : Tengri ltd, 2015. 142 с.

Стасевич А.Н. Район между реками Сары-су и Коном в Акмолинском уезде. Предварительный отчет переселенческого управления за 1908 г. 1909.

Степанов П.В. Бетпак-Дала и степи, к ней прилегающие // Юбилейный сборник ЗСОПГО. 1902.

Усманова Э.Р., Дрёмов И.И., Панюшкина И.П. Погребения монгол-буддистов конца XIII – начала XIV вв. из Центрального Казахстана // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Хоххот (Китай), 2015. С. 515–528.

Ханьков Я.В. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. СПб., 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. IV. С. 1–56.

Чиндин А.Ю. Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской областей // Маргулановские чтения. Алма-Ата : ИИАиЭ АН КазССР, 1989. С. 234–237.

Шмидт Ю.А. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // ЗСОПГО. 1894. Кн. XVII. Вып. 1–2. Отд. VI. С. 1–149.

References

Ageeva E.I., Pacevich G.I. Iz istorii osedlyx poseleniy i gorodov yujnogo Kazachstana [From the History of the Settlements and Cities of South Kazakhstan]. Trudy IIAiY AN KazSSR. 1958. T. 5. Arheologiya. Pp. 3–215.

Akishev A.K. Nahodki neolita v Zapadnoy Betpak-Dale [Neolithic Findings in West Betpak-Daly]. Vestnik AN KazSSR [Bulletin of AS KazSSR]. Ser. obshch. nauk. 1976, №2. Pp. 54 – 60.

Arheologicheskaya karta Kazahstana [Archaeological Map of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1960. 450 p.

Arhiv A.I. Shrenka [A.I. Schrenc's Archive]. Arhiv RAN [Archive of RAS]. F. 317, op. 1, d. 1–54. 1840–1843.

Ahinjanov S. M. Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana [Kypchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty : Gylym, 1995. 296 p.

Baypakov K.M. Srednevekovye goroda Kazahstana na Velikom chelkovom puti [Medieval Cities of Kazakhstan on the Great Silk Road]. Almaty : Gylym, 1998. 215 p.

Baypakov K.M. Velikiy cholkovyi put (na territorii Kazahstana) [Great Silk Road (on the Territory of Kazakhstan)]. Almaty : Adamar, 2007. 496 p.

Bedelbaeva M.V., Novozhenov V.A., Novozhenova N.V. Izobrazitelnye pamyatniki Kazahskogo melkosopchnika [Figurative Monuments of Kazakh'steppe]. Karaganda : Saryarka Archaeological institute, 2015. 252 p.

Berdenov S.A. Kazahstanskaya gorno-metallurgicheskaya oblast [Kazakhstan Mining and Metallurgical Region]. Voprosy arheologii Kazahstana [Questions of Archaeology of Kazakhstan]. M. ; Almaty : Gylym, 1998. Vyp. 2. Pp. 180–190.

Beisenov A.Z. Organizatsiya i ranniy etap issledovaniy Centralno-Kazahstanskoy arheologicheskoy ekspeditsii [Organization and the Early Stage of the Research of Central Kazakhstan Archaeological Expedition]. Istoriya i kultura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov (Mongoliya, Kazahstan, Kitay) [History and Culture of the Peoples of Southwest Siberia and Adjacent Regions (Mongolia, Kazakhstan, China)]. Gorno-Altaysk : GASU, 2015a. Pp. 40–47.

Beisenov A.Z. Pamyatniki verkhov'evy reki Atasu v Centralnom Kazahstane [Monuments of the Upper Reaches of the Atasu River in Central Kazakhstan]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2015b. №3 (35). Pp. 111–122.

Beisenov A.Z., Varfolomeyev V.V., Kassenalin A.Y. Pamyatniki begazy-dandybayevskoy kultury Centralnogo Kazahstana [Begazy-Dandybay Monuments in Central Kazakhstan]. Almaty : IA, 2014. 192 p.

Beisenov A.Z., Duysenbay D.B. Voinskoye pogrebeniye tasmolinskoy kul'tury na reke Atasu [Military Burial of Tasmolinskaya Culture on the River Atasu]. Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazahstan, Mongoliya, Kitay) [History and Culture of the People of Southwest Siberia and Adjacent Regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Gorno-Altaysk : GASU, 2017. Pp. 18–25.

Beisenov A.Z., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K. Issledovaniya v Severnoy Betpakdale [Research Work in North Betpakdala]. Arheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Altayskiy Gosudarstvennyi Universitet [Altai State University], 2015. Pp. 28–31.

Beisenov A.Z., Ermolaeva A.S. Atasukiy mikrorayon: novyye issledovaniya na poselenii Myrzhyk [Atasu Archaeological Site: New Research Work on the Settlement Myrjyk]. Aktualnyye problemy arheologii Yevrazii [Actual Problems of Eurasian Archaeology]. Almaty, 2016. Pp. 75–83.

Beysenov A.Z., Loman V.G. Novyye issledovaniya keramiki poseleniy Atasu i Myrzhyk [New Research on the Ceramics of the Atasu and Myrzhyk Settlements]. Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta [News of Altai State University]. 2017. №2. Pp. 221–225.

Voloshin V.S. Problema pervonachalnogo osvoeniya chelovekom Sary-Arki [Problems of the Initial Sary-Arka Development by the Humans] Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoi Evrazii [Steppe Civilization of Eurasia]. T. 1. Drevnie epohi. Astana : Kultegin, 2003. Pp. 28–32.

Voloshin V.S. Novyye pamyatniki paleolita s galechnym inventarem v basseyne v reki Sarysu [New Paleolithic Monuments with Pebble Equipment in the Basin of the River Sarysu]. Arheologiya Kazahstana v epohu Nezavisimosti: itogi i perspektivy [Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results and Prospects]. T. I. Almaty : Kultegin, 2011. Pp. 157–163.

Voronets N. S. Izobrazheniye na skalax, naydennyye na granice Turgayskoy i Syrdarinskoy oblastey, na reke Lakbai [Images on the Rocks Found on the Border of the Turgai and Syrdarya Regions, on the Lakbai River]. Russkiy antropologicheskii zhurnal [Russian Anthropological Journal]. 1916/1917. Kn. 39–40, №3–4. Pp. 57–60.

Gern V.N. Poyezdka po reke Chu k eye ustyu cherez pustynyu Betpak-Dala v sentyabre 1883 g. [The Trip Along the Chu River to its Mouth Through the Betpak-Dala Desert in September 1883]. ZS-ORGO [WSDRGS]. Kn. X. 1884.

Gorodcov V.A. Skalnye risunki Turgaiskoi oblasti [Rock Drawings of the Turgai Region]. Trudy GIM [Works of the State Historical Museum]. Vyp. 1. M. : Nauka. 1926. Pp. 37–69.

Istoriko-kulturnyi atlas kazahskogo naroda [Historical and Cultural Atlas of the Kazakh People]. Almaty : Print-S, 2011. 300 p., ill.

Kadyrbayev M.K., Kurmankulov Zh. Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki [The Culture of Ancient Cattlemen and Metallurgists of Saryarka]. Alma-Ata : Gylym, 1992. 247 p.

Klapchik M.N. Galechnye orudiya mestonahojdeniya Muzbel I–II v Centralnom Kazahstane [Pebble Implements of the Site Muzbel I–II in Central Kazakhstan]. Po sledam drevnix kultur Kazahstana [In the Footsteps of the Ancient Cultures of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1970. Pp. 217–240.

Klapchik M.N. Pozdneashelskoe mestonahojdenie Jaman-Aybat v Centralnom Kazahstane [Late-Acheulian Site of Zhaman-Aibat in Central Kazakhstan]. SA [Soviet Archaeology]. 1976. №3. Pp. 176–190.

Kurmankulov Zh., Ermolenko L. Drevnosti Saryarki: srednekovyie kamennye izvayaniya [Saryarka Antiquities: Stone Statues]. Karaganda : Credos Ltd C, 2014. 168 p.

Kyzlasov L.R. Sarybulakskaya pisanica v Betpakdala [Sarybulak Petroglyphs in Betpakdala]. KSIIMK, 1950. Vyp. 35. Pp. 139–143.

Levchin A.I. Opisanie kirgiz–kazachih ili kirgiz-kajsatckih ord i stepej [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes]. Almaty : Sanat, 1996. 653 p.

Margulan A.Kh. K izucheniyu pamyatnikov rayonya r. Sary-Su i Ulutau [The Studies of the Monuments of the Area of the River Sary-Su and Ulutau]. Vestnik AN Kazahskoy SSR [Bulletin of the AS KazSSR]. 1948. №2 (35). Pp. 53–60.

Margulan A.Kh. Istoriko-topograficheskiy fon Vostochnoi Betpak-Daly [Historical and Topographical Background of East Betpak-Dala]. Vestnik AN Kazahskoy SSR [Bulletin of the AS KazSSR]. 1950a. №6 (63). Pp. 61–72.

Margulan A.Kh. Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazahstana [From the History of the Cities and Architecture of ancient Kazakhstan]. Alma-Ata : Izd KazSSR, 1950b. 122 p.

Margulan A.Kh. Begazyi-dandyibaevskaya kultura Centralnogo Kazahstana [Begazy-Dandybai culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1979. 335 p., app.

Margulan A.Kh. Drevnie karavannye puti cherez pustynyu Betpak-Dala [Ancient Caravan Routes through the Betpak-Dala Desert]. Mir kazaha [World of the Kazakh]. Almaty : Institut razvitiya Kazahstana, 1997. Pp. 16–30.

Margulan A.Kh. Petroglify Saryarki. Gravyury s izobrazheniem volchego totema. Kamennye izvayaniya Ulytau [Petroglyphs of Saryarka. Engravings Depicting a Wolf Totem. Stone Statues of Ulytau]. T. 3–4. Almaty : Dayk-Press, 2003.

Maryachev A.N., Gumirova O.N. Novye petroglify v gorah Chunak [New Petroglyphs in the Shunak Mountains]. Aktualnye problemy arheologii Evrazii [Actual Problems of Eurasian Archaeology]. Almaty : IA, 2016. Pp. 183–191.

Novozhenov V.A. Petroglify Saryarki [The Petroglyphs of Saryarka]. Almaty : IA NAS, 2002. 125 p.
Novojenov V.A. Chudo kommunikacii i drevneyshiy kolesnyy transport Evrazii [Miracle of Communication and the Oldest Wheeled Transport of Eurasia]. M. : Taus, 2012. 500 p.

Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh otryada Karagandinskogo universiteta v 1989 g. [Report on Archaeological Research of the Karaganda University Detachment in 1989]. Arhiv SAI [Archive of SAI]. Karaganda, 1989.

Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva [Full Geographical Description of Our Motherland]. pod red [Ed.]. V.P. Semenova. T. XVIII. SPb.: izdanie A.F. Devriena, 1903. 487 p.

Putevye dnevniki i sluzhebnye zametki o poyezdkach po yuzhnykh kazahskim stepyam. XVIII–XIX vv. [Travel Diaries and Service Notes about Trips to the South Kazakh Steppes]. Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. [History of Kazakhstan in Russian Sources in the 16th–20th centuries]. T. VI. Almaty : Dayk-Press, 2007. Pp. 153–178.

Rogozhinskiy A.E. Petroglify i ehpigrafika [Petroglyphs and Epigraphics] Istoriko-kulturnyi atlas kazahskogo naroda [Historical and Cultural Atlas of the Kazakh People]. Almaty : Print-S, 2011. Pp. 170–180.

Samashev Z., Baytiley D., Kurmankulov Zh. Petroglify Terekty Aulie [The Petroglyphs of Terekty Aulie]. Astana : Filial Instituta Arheologii [Branch of the Institute of Archaeology], 2013. 240 p.

Satpaev K.I. Nekotoroe arheologicheskoe dannye v predelakh Dzhelkazganskogo rayona [Some Archaeological Data within the Dzhelkazgan District]. Arhiv IIAiF AN [Archive of IIAiE AS]. №S–100–B. 1946.

Sevastyanov D.B. Nekotorye dannye o drevnostyakh Atbasarskogo yezda po nabludeniyam 1910 g. Ot Atbasara do Ulytau [Some Data on the Antiquities of the Atbasar County from the Observations of 1910. From Atbasar to Ulytau]. 1912. Pp. 19–20.

Seifulin S. Tar jol, taygak kehu (Ternistyj put) [Thorny way]. Almaty : Jazuhə, 1977. 387 p. (na kaz. yaz.).

Selevin V.A. Vvedenie v estestvenno-istoricheskoe izuchenie Betpak-Daly [Introduction into the Natural-Historical Studies of Betpak-Dala]. Trudy SAGU, ser. XIIa, Geografiya. Vyp. 12. Tashkent : SAGU, 1935. Pp. 1–50.

Smailov J.E. Pamyatniki arkheologii zapadnoy Saryarki (Srednevekovye gorodishcha i poseleniya) [Archaeologica Monuments of West Saryarka (Medieval Cities and Settlements)]. Karaganda : Tengri ltd, 2015. 142 p.

Stasevich A.N. Raion mezhdru rekami Sary-su i Konom v Akmolinskom uezde [The Area between the Rivers of Sary-su and Kon in the Akmola District]. 1909.

Stepanov P.V. Betpak-Dala i stepi k ney prilegayuehchie [Betpak-Dala and the Steppes Adjoining to it]. Yubileynnyy sbornik ZSORGO [Jubilee Collection of WSDRGS]. 1902.

Usmanova E.R., Dremov I.I., Panyushkina I.P. Pogrebeniya mongol-buddistov konca XIII – nachala XIV vv. Iz Centralnogo Kazahstana [Burials of Mongolian Buddhists at the End of the 13th – early 14th Centuries from Central Kazakhstan]. Drevnekitayskaya kultura Severnaya Mongoliya i Baykal Sibiri [Ancient Cultures of the Northern Area of China, Mongolia and Baikalian Siberia]. T. 2. Khukh-Khoto (Kitay), 2015. Pp. 515–528.

Hanykov Ya.V. Poezdka Pospelova i Burnasheva v Tashkent v 1800 g. [Pospelov and Burnashev's Trip to Tashkent in 1800]. Vestnik RGO [Bulletin of RGS]. SPb., 1851. Ch. 1. Kn. 1. Otd. IV. Pp. 1–56.

Chindin A.Yu. Arheologicheskie issledovaniya na territorii Karagandinskoi i Dzhelkzagsanskoi oblastei [Archaeological Research in the Territory of Karaganda and Dzhezkazgan Regions]. Margulanovskie chteniya [Margulanov Readings]. Alma-Ata : IIAiE, 1989. Pp. 234–237.

Shmidt Yy.A. Ocherk kirgizskoj stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskoj oblasti [Outline of the Kirghiz Steppe to the South of the Aral-Irtysh Watershed in the Akmola Region]. ZZSORGO [SWSDRGS]. 1894. Kn. XVII. Vyp. 1–2. Otd. VI. Pp. 1–149.

A.Z. Beisenov, M.V. Bedelbaeva
FROM THE HISTORY OF THE STUDIES
OF BETPAKDALA MONUMENTS

The article presents some generalizations based on the results of the historical and archaeological research of Betpakdala, the desert region of Kazakhstan which is insufficiently explored. All the written sources of the 20th century were briefly analyzed, including the little-known archival documents of A.I. Shrenk. The authors consider the history of archaeological studies of the monuments in the region, and also introduce the results of their own research. The biggest number of archaeological sites is found mainly in the north strip of Betpakdala. In the west part is the area of the river Baikonyr where a large cluster of petroglyphs and other monuments was opened. In North Betpakdal the research work on the monuments of the Atasu River basin has now been resumed.

Key words: Betpakdala, archive, caravan passage, archaeology of paleolith, neolith, epoch of Paleometal.